

Кроме полотенца, понадобилась рубашка.

– Я к вам бежала впопыхах, побросав некоторые девчочковые запчасти. Например, пижаму в крупных зелёных собачках...

Выдал полотенце и белую рубаху.

Ева вышла из душа, от бутербродов отказалась. «Тесто после двадцати ноль-ноль превращает женщину в грустного ослика», – сказала она. Я предложил неопасный для фигуры огурец. Ева, так и быть, стрескала его, забравшись с ногами в кресло у окна.

Я деревенею рядом с такими красивыми. Язык делается ватный. Что ни скажи – глупо. Задеваю мебель, хихикаю как идиот. Женщины тянутся к другому типу мужчин, к мрачным элегантным скептикам. Самец должен быть снисходительно-ироничным, чуть усталым, cedящим слова.

Пытался завести беседу, но она почти не говорит. Многие дамы сами начинают говорить долго-долго, с местоимения «Я». Например: «Я сегодня встала в девять...» – и дальше во всех подробностях, чем завтракала, как ждала автобус, кто как посмотрел и что, должно быть, подумал.

У Евы наоборот. Ни слова о себе. Я спрошу – она лишь улыбнётся, пожмёт плечом. Зато слушает прилежно. Глаза светлые, смотрит пристально, какую бы ахинею я не нёс. Очень приятный собеседник.

В час ночи она сверкнула коленками и направилась в спальню. Будто под гипнозом я поплёлся следом. Она обернулась на пороге кухни и сказала сердито, что у неё под подушкой будет лежать чёрный маузер. До рассвета границу лучше не пересекать.

– Вас когда-нибудь хлестали по щекам чёрным маузером? Ну вот, и не рискуйте. Я не боюсь остаться наедине с кроватью. Спокойной ночи...

Смешная. В голове моей распелись щеглы, скворцы и пеночки. Я устроился на кухне и к утру написал колонку для журнала «Шоколад». Редкая производительность.

Вот этот волнующий текст:

Романтический идеал самца – это август, сеновал и «мисс Алабама» в коротких шортах. Каждый мечтает встретить свою половинку, затащить в пыльный стог, раздеть и обвалить её в клевере, пырее, и прочем гербарии. И украсить ей волосы соломой. Так велят нам мужские представления о нежности. Закончив цикл ухаживаний, самец теряет интерес ко всем формам сельского хозяйства до следующего гормонального всплеска.

Эротические фантазии женщин, вы удивитесь, вообще не связаны с покосом и деревней. Женщины не любят, когда их толкут в тёмном амбаре. Там пыль и насекомые, считают они. К тому же, девичья голова на сеновале неизбежно принимает форму сеновала. Это удивительный и гадкий феномен.

Зато, женщины с радостью посещают квартиры холостяков. Предпочитают те, в которых порядок и простор. Они не всегда стремятся, как в сказке, выжить зайчика из избушки. Ими движет другая корысть – к мужским рубашкам. Это старинная эротическая традиция. Рубаху следует надеть поверх трусов и блистать туда-сюда. Женщины правильно считают себя бесподобными в этом наряде. И нет лучшего подарка для дикого мужчины, чем гонять в его рубашке по его жилищу. Когда, застегнув воротник на груди, она пробегает мимо вас по

важным делам, не полюбить её невозможно.

Многие не носят каблуков, или узких платьев, или шляп. Но рубашку, пять размеров больше своего, носят все. Сначала девушка прячется в душе, мурлычет там и плещется. Выходит – и как бы просит прощения за излишне открытые ноги. Она бы и рада одеться скромнее, вот только целомудренная пижама осталась дома. А эта рубашка лишь дотуда, докуда есть. И теперь она – несчастная жертва обстоятельств с вызывающе красивыми бёдрами.

И сразу видно, какая она беззащитная. И до чего же синие у неё глаза. Ещё можно намотать на голову полотенце. Со стороны будет казаться, огромная чалма вот-вот перевесит и вся фигура упадёт. Пусть всем будет тревожно за её зыбкий силуэт. С полотенцем следует прибыть в кухню, усестся. Поджать ноги так, чтоб они были бы видны отовсюду. И просто пить чай. И если хозяин до полуночи не захочет подарить ей млечный путь, значит он или в обмороке, или сам женщина.

Если девушка просит у вас сорочку, это высшее доверие. И в ближайшие пару лет, может быть, вам будет позволено пройти с нею до сеновала.

Жители Тробрианских островов вместо прелюдии обгрызают ресницы партнёра. В племени Сиронио поедают волосяных паразитов, что значит «любовь навсегда». Корейки колют жениха штопальной иглой прямо в корень одноглазого змея. В Африке садятся попой на муравейник. В Микронезии даже не хочу говорить, зачем им муравьи. Страшные муки приходится терпеть народам, чьи мужчины не хранят в шкафу запасную рубашку.

Одноклассник Ваня рассказал. Он купил батистовую сорочку с надписью «Coca-Cola». С рук, в Париже. Сам почти не носил. На груди помидорное пятно, очень интимное. Он хранил рубашку пять лет на отдельной вешалке в центре шкафа. Всё мечтал, его Наташа вернётся и выйдет из душа в «Coca-Cola», как прежде. От одиночества Ваня раскладывал рубашку на диване, смотрел и гладил пальцем. Такой романтический идиот. И все знакомые дружки женского пола, со всеми сисями и гладко оттертыми пяточками проигрывали жалкой тряпке, скучающей в шкафу. Ваня никому не давал её носить.

Но однажды в его дом вошла хозяйственная Рая. Она постирала «Coca-Cola» и надела, не спросив. Настоящий ведь батист, для ночнушки идеально. В голове у Вани случились путаница и наложение образов. Он бы наорал на Раю, но не смог в присутствии «Coca-Cola». Как потом показала жизнь, кто у него в священной рубашке, тот и Наташа. В смысле, возжеленная женщина.

Я когда узнал, поклялся не занимать у Вани одежду. Вдруг это окажется папин пиджак и мне придётся Ваню усыновлять. А раньше у него жила ещё неопознанная дама пятьдесят второго размера, и неизвестно, какие утехы практиковал с ней Ваня.

У меня самого есть итальянская рубашка цвета топлёного молока, но я вам о ней ничего не расскажу.

Проснулся в пять. Почти не спал, и не хочется. Такое состояние энергичной бессонницы случается в июне, когда белые ночи. Но чтобы в декабре – первый раз. Поднялся тихо-тихо. Написал записку:

«Ева!

В холодильнике молоко, яйца, масло, варенье. Две сосиски.

Хлеб в хлебнице, кофе на столе. Вода в кране. Осторожней с чайником, у него характер дикого монгола, свистит и плюётся. Если найдёте какую-нибудь другую еду, немедленно уничтожьте без жалости.

Обнимаю,

Матвей».

Если бы спросили про счастье, я сказал бы – это среда, двадцать второе декабря. 2010 год. Я не выспался, зеваю в пробке. В моей кухне медленная поутру Ева делает гренки. С сыром, или с вареньем, отсюда не видать. Впереди целый день. Доброе небо обязательно придумает, как её не отпустить. Например, высадутся инопланетяне, пожирающие электричество. Поезда встанут, самолёты погаснут. Ей придётся зимовать у меня. Мы будем рано ложиться, жарить овощи в голландской печке, ходить по дому в смешных валенках. А когда пришельцы уберутся в свою туманность, настанет лето, ей не захочется уезжать. Так понравится наш край вечно беременных туч. Она привыкнет. Научится отличать Невку от Фонтанки и пить чай с сыром «горгонзола». И прочая.

Она позвонила в десять.

– Матвей. Вам звонит графиня Монте-Кристо. Вы заперли меня наедине с холодильником, подлец. Я простая женщина и не понимаю, в какую сторону копать паркет, чтобы сбежать к морю.

Мне нужно было показаться на работе. Собирался потоптаться, поздороваться и улизнуть. Но жестокий мир большой рекламы восстал. Король кетчупов скоростно утвердил наши чудосоусы: «Дачу» и «Абвгд-йку». Захотел детальных концепций, сценариев и планов рекламных сражений. Приказал выкупить весь доступный телеэфир и сочинить рекламную песню. Всё срочно, за один день. Обещал выплатить премию.

Мебельный барон тоже проснулся и взалкал вдруг аналитики по рекламной активности конкурентов. Тоже сегодня, к вечеру. Я раздал сто невыполнимых обещаний и растаял в воздухе, как джинн. Завтра, конечно, меня распнут на Дворцовой площади при большом стечении безжалостных зрителей. Но это завтра. А сегодня я выключу телефон. Меня ждёт Ева.

Развлекать белоснежек в школе не учат. Я пошёл натоптанным путём.

– Ева, у нас обзорная экскурсия по городу.

– Мотя, но есть же более гуманные пытки. Испанский сапожок, калёное железо. Есть Рахманинов, в конце концов. За что же так жестоко – на экскурсию?

– Вы виноваты в том, что вас охота скушать. У меня есть джип, чёрный как душа пианиста. Специально для бесцельных поездок с красивыми девушками. Если не хотите познать на себе ярость пианиста, одевайтесь. Иначе, у меня есть 1-й пианинный концерт, и я не побоюсь его применить.

Огромное авто компенсирует водителю сами знаете что. Так говорят психоаналитики. В моём случае машину выбирала жена. Ей тоже, наверное, не хватало. Сказала: хочу такого чёрного бегемота. И мы купили амбар на колёсах. Называется «ниссан армада». Японский «хаммер». Жена падка была на циклопические шильдики. Однажды купила солнечные очки с надписью «Dior». Огромная дужка целиком состояла из букв. Очковый дизайнер решил, что много

бренда не бывает.

– Смешные эти китайцы, – сказала лучшая подруга жены. – Считают что настоящий «Diog» тот, который виден за километр.

Очки стоили как новый телевизор. Мы купили их в фирменном магазине, чуть не из рук самого Диора. Чтобы как-то утешить жену, подобрали к очкам здоровенный джип. При нём гламурная оптика не казалась подделкой.

Теперь жена ушла к крупному музыканту из здорового оркестра. Квартира у него тоже бескрайняя. А я стал единственным в Питере лабухом, разъезжающим на паровозе. Если надо, я могу буксировать даже крейсер «Аврору». Только медленно.

Ева не носила украшений, не рисовала перед выходом новое лицо на месте старого. Джинсы, свитер и сапожки. Конский хвост, под ним фарфоровая шея. Удивительно. Чем меньше леопардов и самоварных аппликаций, тем дороже женщина выглядит. Ей хотелось подать пальто. За удовольствие прикоснуться к ней, я готов был сам превратиться в вешалку.

Экскурсия получилась не очень увлекательной. В голове перекатывались огрызки лженаучных фактов. Я нёс ахинею, Ева вежливо внимала. Мы въехали на Троицкий мост, упёрлись в пробку. Для стоячих обзоров лучшей точки нет. С центра моста видна, по часовой стрелке, Петропавловка, там декабристы страдали от холода и собственных иллюзий.

Поворачиваем голову направо, видим мечеть с минаретами. В сравнении с дворцами вокруг неё ничего такого. Дальше Дом Политкаторжан. Первый дом-комунна. В нём двести квартир. Кухни были смонтированы в виде шкафов, обитателям надлежало питаться в общественных столовых. Жильцов дома сажали так густо и часто, что во дворе поставили памятник каторжанам. Он вырублен из соловецкого камня.

Ещё правее, у спуска к воде фигуры Ши-Цза, китайские лягушко-львы. Сделаны из маньчжурского гранита. Какой-то генерал прислал из города Гирина. Символизируют что угодно, в зависимости от фантазии экскурсовода.

За ними домик Петра, первое строение в городе. Если не считать финно-угорских крепостей, которым пять тысяч лет и больше.

Дальше трубы «Авроры». Крейсер. Каждый день из главного орудия вытаскивают по ведру окурков.

Виден шпиль Финляндского вокзала, там Ленин топтал броневилок, и от их взаимной страсти родилась революция.

Белая церковь «Крестов». Тюрьма в центре города.

Ещё правее Смольный, голубой на голубом, если небо ясное.

Серый куб с антеннами, это КГБ.

Потом Летний сад. Какой-то английский путешественник прибыл в Питер, увидел его стальную ограду – и отказался сходить на берег. Сказал, ничего красивей не бывает, смысла продолжать осмотр нет. И уплыл домой. Думаю, дело не в ограде. Просто ему сообщили что-нибудь волнующее. Например, жена загуляла с министром финансов. Он же не мог сказать, что спешит душить жену, свалил всё на ограду летнего сада.

Марсово поле, там до революции коровы паслись.

Памятник Суворову.

Михайловский замок. В нём Русский музей, Казимир Малевич, «Чёрный квадрат». При первой экспозиции картина висела в красном углу, где висят обычно образа в хатах. Под ней была подпись «Современная икона». Изначальный смысл, как видим, связан с искусством лишь левым боком. Это скорее была хулиганская выходка, провокация на социальную тему. Потом уже критики изобрели супрематизм и придали «Чёрному квадрату» статус шедевра. В другом зале висит знаменитая «Ночь на Днепре» художника Куинджи. Дети ищут за полотном лампочку. Им кажется, нарисованная луна подозрительно ярко светит. Моя бывшая супруга пыталась отодрать картину со стены. Ей было десять лет, здоровая уже. Смотритель музея драл её за ухо. Оправдали по малолетству. Больше я про Русский Музей ничего не знаю.

Ещё поворачиваем голову, видим Мраморный дворец, потом Эрмитаж, Адмиралтейство. Немножко, Исакий. Его фундамент строили сто двадцать пять тысяч человек в течение пяти лет. Толщина стен достигает пяти метров. Для теплоизоляции купола применили сто тысяч глиняных горшков. Отличная акустика получилась. Попробуйте сунуть голову в горшок и крикнуть, многое поймёте, об акустике. Купол три года золотили парами ртути. На золочении отравились и умерли шестьдесят мастеров. А всего при строительстве храма погибли больше ста тысяч рабочих.

Смотрим дальше: Биржа, перед ней ростральные колонны. Кунсткамера, отсюда не видна. Лучшее место для борьбы с аппетитом. Коллекция несчастных уродцев в спирту. Это уже Васильевский остров. Главная его достопримечательность в том, что на нём живу я, мой ненаглядный. Улицы на Васёке называются каналами и линиями. Царь Пётр хотел устроить Венецию. Думал, гондолы поплывут. Но Меншиков украл бюджет мелиораторов. Крестьяне вырыли десяток узких траншей, в которых гусям было тесно. Пришлось засыпать.

Пробка тронулась, мы докатились до Михайловского замка. Место постройки указал лично Архангел Михаил. Явился самому психически нестойкому солдату. Император Павел не стал проверять зрочки военнослужащего, сразу пригнал шесть тысяч строителей. Решительный был правитель. Справил новоселье, не дождавшись окончания работ. Прожил в замке 40 дней. Его задушили шарфом и врезали по башке табакеркой. Он царствовал 4 года, 4 месяца и 4 дня. Ему было сорок семь лет. Столько же букв в надписи на памятнике, который ему поставили ещё при жизни. Вот нельзя при жизни памятники: одна юродивая сказала, – сколько букв на постаменте – столько царь и проживёт. Разумеется, всё совпало. В исторических враках всё всегда удивительно сходится. Сейчас по замку бродят 17 приведений. Смотрители зовут их «Сущностями». Смертоносная табакерка хранится в Эрмитаже, вся в бриллиантах. На ней вмятина от черепа Его Величества.

Мы выехали на Садовую. У Старо-Никольского храма должно быть место, откуда видны сразу девять мостов. Почему-то этого места мы не нашли.

– Кто-то спёр немножко мостов, – предположила Ева.

Двинулись смотреть бронзового кота. За Елисеевским универмагом дом, на втором этаже приделан кот Елисей. В позе «сидеть, кот». На противоположном фасаде – кошка Алиса. В позе «хочу тебя, Елисей».

Мы ездили по городу, эрудиция моя иссякала.

– Вот Дворцовая площадь. В 19-м веке здесь тоже паслись коровы. Лично царские, наверное.

– Какой сельскохозяйственный город...

– Да. Ещё раньше на площади была свалка строительных отходов. Дворец строили, осталось всякое, доски, известь. Лежало много лет. Однажды Царь разрешил народу взять, кто сколько унесёт. За ночь горожане растащили всё. Видите, до сих пор как чисто.

Многие столетия город был диким и опасным. В 1819-м у площади Восстания на фонарщика напал волк. Там же у Елизаветы Петровны находился «Слоновий двор». Шах Надир подарил царице четырнадцать слонов. Дескать, катайтесь, русские дикари. Скотину купали в специальных прудах и поили водкой. Слонам для жизни нужен алкоголь. В России огромных скотов любили. Персонал чувствовал в них русскую душу.

...Вот гостиница «Октябрьская», до революции «Северная». В ней жил имам Шамиль. 30 лет воевал с русскими, построил из абреков военное государство. Это подвиг, учитывая качество строительного материала. В конце жизни призвал мусульман к миру. Русские, сказал он, благородны и воевать с ними не надо. Царь произвёл имама во дворяне. Умер Шамиль по пути в Мекку, совершая Хадж. По исламским меркам настоящий святой человек.

После революции в гостинице был интернат для беспризорников – «Государственное общество призрения». Сокращённо ГОП. Отсюда пошли гопники.

...А вот Рэдиссон. Он же кафе «Сайгон». Бродский сюда приходил. И прочая богема...

* * *

Идея возить девушку по немытому Питеру уже не казалась мне удачной. Из бурой грязи растут бесцветные дома – вот и вся экскурсия. Нужно очень любить город, чтобы гулять по нему в декабре. Темнеет рано, привет депрессия. Ева, впрочем, казалась довольной. Она была из числа благословенных барышень, не склонных к меланхолии. Пожалуй, это и всё, что я знал о ней. Ещё, ехали мимо Марииинки, она сказала: «Я тоже танцую. Немножко».

Мы воткнулись в новенький сугроб на Малой Конюшенной. Пошли пешком, смотреть почём в местных бутиках красота. Ничего не купили. В сравнении с Ригой ужасно дорого, сказала Ева.

Дела мои плохи. Завтра она улетит. Поклянётся не возвращаться в эти темноту и сырость. Последней моей надеждой был итальянский ресторан на канале Грибоедова. «La Provincia». Там пицца с пармской ветчиной и вялеными томатами. За роялем трясёт головой главный оболтус нашего курса Паша Фридман. Со среды по субботу, после восьми.

Фридман был не один. В гости пришёл некто Толик, тоже консерваторский хлыщ. Самая нервная виолончель города и области. И с ним ещё два прохиндея, их я не знал. Судя по криво бритым ромам, все музыканты. В арьергарде три тощих гетеры, разной степени кривоногости. Стали знакомиться. Девушки были красивые и голодные. Их имён я не пытался запоминать. Сейчас они кажутся мне одной сплошной Анжелой. Кавалеров давайте считать Петями, чтоб не путаться. Фридман побрёл к инструменту, Пети заказали водки.

Музыканты в час попойки – страшные люди. Второй раз Фридмана отчисляли из консерватории, когда он уснул в аудитории. Пришёл репетировать трио с кларнетом и виолончелью. Брамс, ля-бемоль. Исключительно нудная композиция. Чтобы не умереть от Брамса, трио заготовило две поллитры. Но Брамс победил водку. Фридман упал, сломал пюпитр. Идти он не мог. Более стойкие виолончель и кларнет оказались не в силах ни разбудить его, ни вынести вон. Тело поставили в шкаф с нотами. И закрыли. И ушли.

Фридман проснулся утром следующего дня, когда класс заполнили девочки-вокалистки. Услышал ангельское пение, поднять рук не смог, вокруг темнота и деревянные на ощупь стенки. Он не помнил, как его хоронили. Стал орать и биться.

Взбесившийся шкаф напугал вокалисток. Барышни многое знали о взрослой жизни, многие даже ночевали в общежитии. Но никогда они не видели, чтобы мебель вела себя так разнузданно. Шкаф грустно урчал, несколько раз подпрыгнул. Потом в муках родил пьяного человека.

- Это Павел Фридман, фортепиано, - представила Пашу преподаватель вокала, стальная на вид дама в квадратных очках. С тех пор его выгоняли ещё трижды, но всякий раз прощали. Талантливый, со бака.

Время ускорилося. Вдруг вижу, тёплый Толик стоит перед моей Евой на колене и втирает про нежное сердце музыканта. И что пианисты это сплошные хлопоты и слёзы. То ли дело виолончель. Воплощение верности, честности и смиренного духа. Тут же одна из Ангел стала пинать Толька. Ей сделалось интересно, как он себя ведёт, сволочь. Ева в ответ лишь улыбалась. Невозможно было понять по её улыбке, какие мысли в её голове. Я спросил Толяна, чего бы он хотел напоследок, прежде чем умрёт. И не хочет ли он стать первым виолончелистом, убитым крышкой рояля? И вдруг потерял страсть к иронии, потащил его в туалет, бить морду. Мы потрясли друг друга за лацканы. Знаете ли вы, что танго некогда было мужским парным танцем? И смысл его в том, чтобы и сплясать, и кадык сопернику не выкусить.

На дым попойки подтянулись ещё музыкальные личности, которых никто не помнил. В ресторане стало тесно от талантов. Решили перебраться к Толику. Он живёт рядом, в двух подворотнях от генштаба. Коммуналка на первом этаже. Толик вяло протестовал, на него не стали сердиться за нелюдимость. Даже взяли с собой. Я с тревогой поглядывал на Еву, не сердится ли. Зря тревожился. С ней уже обнимались, подносили бокал, освобождали кресло. Самцы редактировали остроты до уровня почти приличных. Она нравилась всем. Толику, его гетерам и всем этим пьяным гениям. Она пришла со мной, но я понимал, вот-вот упрут.

Из еды у Толика только вино. Оно слегка пахло носками, Толик объяснил, потому что домашнее. Сам из Молдавии привёз.

Он заперся в кухне с доверенными женщинами. Раскурил косяк. Но смежная квартира вызвала наряд. Им надоел грохот попок. Прибывший сержант унюхал запретный запах с улицы. Обрадовался, вызвал подкрепление. Толик увидел, как в кухню втекают кокарды и погоны. И щелчком отправил бычок в чёрный космос, расположившийся сразу за форточкой. Его дамы милицию не видели, стояли спиной. Им показалось, Толик выбросил бычок, потому что скотина. И успели сказать много эмоциональных слов. Тут их всех и повязали. И нас, заодно.

В один воронок компания не влезла. На помощь мчался бобик номер два, арестованные гуляли. Подошёл совершенно трезвый Паша Фридман, с дамой. Их тоже запихнули. Паша выкрикивал демократические лозунги, клялся родной консерваторией, что не при делах.

Нас переправили в отделение. Компания даже не заметила переезда. Девочки обсуждали Витю, который пришёл к Свете и так танцевал, что выпал из окна. Мальчики ругали правительство. Я поглядывал на Еву. Она на меня - почти нет. Зато, когда стреляла взглядом, чувствовал, что пойду в Тюмень босиком, только пусть она вот так вот смотрит. Потом ворвался чей-то папа, наорал, отключив денег и нас выгнали в чёрный декабрьский Питер.

Домой шли пешком. В четыре утра только добрались. Я думал, вот выйдет она из душа – буду просить прощения. За всё. Предложу дружить по-взрослому. Надо ловить момент, пока все нетрезвые.

Больше ничего не помню. Проснулся в кресле, аккуратно накрытый пледом. Часы показывали восемь. На кухне шипело и потрескивало. Ева не только победила чайник. Она владела закланием яичницы с беконом. Как мало мы, всё-таки, знаем о добрых феях. Я крикнул в сторону кухни неправду про доброе утро и побрёл в санузел. Нужно было бритвой и мылом превратить алкоголика в человека. Потом ужаснулся, вспомнил, чем закончилось знакомство с культурной столицей России. Сделал очень, очень серьёзное лицо, пришёл на кухню.

– Послушайте, Ева. Вчера, это что-то ужасное, бес попутал. Зато вы знаете теперь, как опасно связываться с виолончелистами. И вообще, с Толиками...

– Мотя, всё было прекрасно. – Ева подвинула мне гренку. Она пританцовывала, как Золушка со сковородкой. Вдруг подскочила, чмокнула в щёку.

Не скрою, я хотел поцелуя. Но не так же, мимоходом. Между делом. Будто пуделя в нос. С другой стороны чмокнула. На большее я и не надеялся. Точнее, как раз надеялся. Болван ужасный. Втрескался.

Ева ушла собирать чемодан. У неё в полдень самолёт. Из кухни было слышно, она звонит подруге. Смеётся.

В Пулково-II пусто. Пограничные войска представлены двумя дамами, похожими на беляши в униформе. Женщины мучительно скучали.

Я затащил её в «Шоколадницу», тут же, в холле. У меня оставалось полчаса для чуда. Стал врать, будто собираюсь писать рекламу нижнего белья. И, конечно, если бы она нашла в себе мужество, я спросил бы у неё консультацию. Можно через скайп...

– Ой, Мотя, Мотя... Будто вас некому консультировать. Вчера в бобике, между прочим, на ваших коленях сидели сразу три женщины.

Надо же, запомнила.

– Ева, они мне отдавали всё. Даже то, чего у меня никогда не было. Уже сутки, как я их ненавижу. Откройте мне свой электронный адрес. Я напишу вам смешное письмо.

Вдруг вспомнила о деньгах. За ночлег. Стала совать ворох купюр. Приличная сумма, между прочим. Мы толкали друг другу бумажный ком. Официантки наблюдали с интересом. Не понимали, за что внешне разумные люди так ненавидят рубли. Для кого-то и они – деньги.

– Ева. Послушайте. Я не беру мзды со сбитых женщин. Лучше так, я приеду в гости, вы отведёте меня в ресторан. Я хочу испытать на себе национальные блюда.

– Не советую. У нас молочный суп с овощами и тушёная репа. Вам не понравится.

– Я уже чувствую, что люблю репу. Требую впечатлений на всю сумму.

– Что? Лопнуть, обожравшись репой? Какой глупый финал.

– Ева. Совместно лопнуть – это так сближает.

- Хорошо. Я напишу. Ждите.

Она ушла за ограждение. Международных рейсов из Питера почти нет, таможенники подняли головы, но сил разомкнуть веки не нашли. Мытари ненавидели все виды багажа и само это слово. Ева покатила чемоданчик дальше, обернулась, махнула рукой. И всё. Моё небо погасло.

<http://tl.rulate.ru/book/2201/42319>